

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГИКИ

С. С. Гусев

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА КАК СПОСОБ АРГУМЕНТАЦИИ*

Основным способом поддержания межчеловеческих связей в обществе является коммуникация, позволяющая одним людям воздействовать на поведение других. Организация коллективной жизни уже в архаичных сообществах строилась посредством речевых воздействий членов этих сообществ друг на друга, что способствовало подавлению чисто инстинктивных форм поведения и вытеснению их регуляторами, имевшими качественно иной характер. Социализация пралюдей сопровождалась постепенной заменой биологически запрограммированных реакций на объекты и явления внешней природной среды поведением, обусловленным в первую очередь языковым общением членов сообщества. Именно этот процесс, как считают многие специалисты сегодня, был одним из главных факторов, обусловивших превращение «стада» в «общество»¹.

Воздействуя друг на друга структурно организованными наборами звуков, древние люди не только вызывали определенные предметные действия окружающих, но и стимулировали их ответное языковое поведение, представлявшее собой поначалу *искаженное воспроизведение исходной «речи»*. Воспринятые сигналы подвергались деформации, могли происходить перестановка составляющих их звуков, замены некоторых из них другими и т. д. Данное явление обнаруживается и сегодня при некоторых формах психопатологии². Воспроизведение полученного языкового сигнала в сохра-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №07-0300421а.

¹См., напр.: Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971.

²См.: Там же. С. 20; а также: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.

ненной или измененной форме в этих случаях оказывается знаком замены действий, которые должны были стимулироваться передаваемым сообщением. Так ребенок, не желая подчиниться какому-то требованию, обращенному к нему, отвечает фразой: «Сам сделай».

Первоначально языки древних сообществ формировались в качестве средства организации конкретных звуковых комплексов, становившихся затем главным средством указания на предметы и описания различных действий с ними. Всевозможные трансформации звуковых сигналов, используемых в межчеловеческом общении, способствовали появлению множества вариативных форм, связанных с одними и теми же контекстами действий. Некоторые из этих вариаций постепенно закреплялись в качестве осознанно и целенаправленно употребляемых речевых оборотов и конструкций. На такую возможность указывает, например, известный отечественный лингвист академик Б. А. Серебренников³.

В свою очередь, подобные конструкции, закрепляясь и становясь устойчивыми средствами указания на важные для человека характеристики мира и поведения людей в нем, влияли на формирование стандартных способов восприятия действительности членами одного и того же сообщества людей. Возникали словесные описания действительности, которые постепенно стали играть более важную роль в создании представлений об окружающем мире, чем прямые чувственные контакты с ним. Психологи и физиологи, например, утверждают сегодня, что зрительное восприятие человека существенно зависит от его предварительных ожиданий. И подобная исходная мысленная установка существенно определялась и определяется речевым общением людей друг с другом, тем, на что человека настраивает словесное описание, усваиваемое им от других людей.

В результате формировались своеобразные «мыслеобразы», позволявшие людям фиксировать в своем сознании устойчивые структуры коллективных действий, но не являющиеся прямым отображением осуществляемых людьми предметных операций. Ведь человеческая активность всегда направлена на достижение какого-то результата, до определенного времени отсутствующего в непосредственном интервале «здесь и сейчас». Поэтому реальные действия и направляющие их стремления и ожидания чаще всего не совпадают

³См.: *Серебренников Б. А.* Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 97.

полностью. Образы реальности, присутствующие в мыслительной сфере, всегда по содержанию больше, чем конкретная ситуация, в которой человек находится в любой данный момент, так как эти образы включают в себя возможное будущее в качестве уже наступившего, реализованного. Этим определяется и семантическая избыточность языковых форм, посредством которых регулируются различные социальные процессы.

Устойчивость любого сообщества, как уже отмечалось, обеспечивается циркуляцией различных сообщений, транслируемых от одного члена группы к другим и предполагающих указание оснований для их принятия в качестве программы действий. По сути, общественная коммуникация представляет собой постоянное создание и обмен какими-то словесными конструкциями, которые можно рассматривать в качестве «текста». Как утверждают лингвисты, «основной единицей коммуникации является текст»⁴. Человеческая жизнь была бы невозможна без использования множества различных текстов, выражающих как общие устремления человеческих коллективов, так и представления о характере предпринимаемых действий и оценку получаемых результатов. Текст является средством выражения целостного смысла, регулирующего совместные действия разных людей. И слова, составляющие знаковую структуру текста, в той или иной степени указывают на возможные направления содержательного истолкования этого смысла, играют роль межтекстуальных знаков, поскольку одни и те же слова могут быть связаны с разными сообщениями.

Слова и языковые выражения, передаваемые членами одной группы друг другу, не только способствуют объединению усилий каждого отдельного человека в единую систему, но и обеспечивают формирование и сохранение одинакового (во всяком случае, достаточно сходного) понимания у всех членов того, чего люди хотят достичь. Действия сотрудничающих людей направляются общим образом желаемой цели. Возникновение такого образа не происходит автоматически, а предполагает определенное столкновение частных представлений, в результате чего достигается общее согласие, обуславливающее успешность коллективных действий. И вряд ли это согласие может возникнуть без устойчивого общения людей, составляющих ту или иную группу. Именно в процессе общения и складывается некий общий образ желаемого результата, обладаю-

⁴ Колишанский Г. В. Коммуникативная семантика. М., 1980. С. 62.

щий явной наглядностью для всех участников процесса. Одни члены данной группы должны уметь убеждать других в приемлемости именно данного образа общей цели.

Исследования в самых различных областях познания свидетельствуют о том, что в процессах становления человеческого интеллекта первоначально доминируют те психофизиологические механизмы, которые связаны с реагированием на чувственно оформленные представления, и лишь позднее на первый план выходит способность воспринимать всевозможные абстрактные знаки, определяющие социальное поведение людей. Возможно, в связи с этим наиболее древние слои культуры строились на основе устной передачи социально важной информации, поскольку в этом случае создание коллективного образа общей цели происходило эффективней и проще. Во всяком случае, как считают специалисты, первые варианты слогового письма фиксировали устную речь и, главным образом, играли роль мнемонических средств, способствующих запоминанию сказанного⁵. Нечто подобное обнаруживается и сегодня в арабской культуре при овладении искусством чтения Корана.

Давно отмечено, что у ребенка, например, функция обозначения появляется лишь к концу языкового развития. Используемые им формы языкового общения с окружающими поначалу являются выражением его внутренних состояний и неосознаваемых эмоциональных напряжений. Подобно этому, первые формы межчеловеческого общения в древних сообществах были еще тесно связаны с непосредственно воспринимаемыми предметами и явлениями действительности. Но развитие социальной коммуникации способствовало отделению знака от вещи, переходу к чисто знаковому способу указания как на внутреннее состояние говорящего, так и на желаемое, с его точки зрения, поведение собеседников. Однако подобное отделение само по себе еще не обеспечивает способность различать в мысли представление об уже достигнутом и только еще желаемом. Мифологическое сознание во многом потому не особенно чувствительно к противоречиям, что в нем нет еще явного и четкого разделения возможного и невозможного. Здесь возможно все. Поэтому члены оппозиций могут меняться местами, сливаться в представлении о всевозможных медиаторах и т. д.

⁵См., напр.: Меркулов И. П. Когнитивные предпосылки возникновения искусства аргументации // Теория и практика аргументации. М., 2004. С. 157.

Тексты, формирующиеся на такой основе и становящиеся в конце концов основным средством взаимного воздействия членов общества друг на друга, во многом и сейчас сохраняют подобную многоплановость языка, соединяя в передаваемых образах черты реального и воображаемого миров. Но в архаическом сознании эмоциональная составляющая речи играла особую роль, поэтому на способ организации межчеловеческого общения влияли факторы, впоследствии уходящие на задний план, превращающиеся в скрытые, неявные характеристики речи. Так, Э. Кассирер когда-то высказал предположение о том, что в становлении языка важную роль сыграла «мелодичность» речи, непосредственно передававшая экспрессивность общения древних людей. По его представлению, такая особенность речевого общения определяла даже логическую структуру и логическое понимание передаваемых и получаемых людьми предложений, посредством которых осуществлялись коммуникативные процессы⁶.

Ритмически-интонационная особенность речи, оказывающая особо явное воздействие на людей, воспринимающих переданное им сообщение, и сегодня активно используется ораторами, поэтами и т. д. Таким образом, этот способ построения текстов является одним из важнейших универсальных приемов, обеспечивающих эффективность межчеловеческой коммуникации. В данном случае воздействие автора текста на своих собеседников достигается не только за счет содержания используемых слов, по и (даже в большей степени) с помощью стимулирования непосредственной эмоциональной реакции, вызванной особым порядком слов в предложении. Например, встречу писателей с Воландом в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» предваряет фраза «пуста была аллея». Эквивалентное ей по содержательному значению предложение «аллея была пуста» оказывается просто формой передачи определенной информации и не порождает того эффекта тревожного ожидания, которое возникает при чтении романа.

Для носителей мифологического сознания такого рода приемы играли первостепенную роль в организации восприятия речевых актов, которыми они обменивались. Опора на эмоциональные переживания своих взаимодействий с окружающей действительностью помогала древним людям достаточно одинаково воспринимать и ис-

⁶ Кассирер Э. Философия символических форм. Феноменология познания. М.; СПб., 2002. С. 95.

толковать гибридные образы мира, в которых соединялись черты реальности и элементы фантазии⁷. Сегодня поэтическая и прозаическая (более тесно связанная с обыденными формами коммуникации) формы речи существенно различаются. В поэзии слово, в его многообразных связях с различными ассоциативными рядами, чаще всего прямо выражает смысл сообщения, тогда как прозаический текст строится из слишком большого количества слов, а потому целостность (смысл) сообщения задается сюжетной направленностью⁸.

Но в любом случае сходство «воображаемых миров», формирующихся в сознании людей, всегда (и раньше, и теперь) обусловлено наличием групповых норм и стандартов коллективной деятельности, в которую так или иначе включен каждый член определенного сообщества. Один и тот же фрагмент реальности представители различных групп воспринимают, обозначают и осмысливают в соответствии с теми стандартами, которые регулируют организацию сообщений, транслируемых в данной группе. Торговцы, воины, земледельцы, пастухи — все такие группы явно и неявно ориентируются (каждая) на свои базисные образы мира и свои действия в нем. Но тогда и построение социально значимых текстов, и способ их передачи друг другу (выполняющие аргументативную функцию) у разных групп также могут различаться, иногда весьма существенным образом.

Устные и письменные формы общения. Закрепление норм и правил коммуникации в древних культурах, еще не создавших письменности, требовало многократного устного воспроизведения действующих в данном обществе капонов, по которым организовывались различные сообщения. Передаваемые от наставника к ученикам традиционные формы речи предполагали зазубривание не только определенных словесных конструкций, но и интонационных особенностей говорящего учителя, ибо любые отклонения от традиции были запретны. Такое внимание к внешним характеристикам речевого общения заставляло сохранять даже те обороты и выражения, которые уже не вполне отвечали запросам реальной минутной жизни.

Изменение условий жизни всегда требует и соответствующей перестройки способов межчеловеческого общения. Однако инстинк-

⁷ См., напр.: *Майданов А. С.* Миф как источник знания // Вопросы философии. 2004. № 9.

⁸ См., напр.: *Костюков Л.* Заметки читателя // Постскрипtum. 1995. № 1.

тивное стремление сохранить те формы общения, которые на протяжении длительного времени считались важными, приводит к тому, что некоторые средства речевого взаимодействия, ранее обладавшие актуальным характером, постепенно превращаются в привычно повторяемые формулы, содержательно малопонятные для большинства людей. Способы человеческого взаимодействия с окружающим миром изменяются быстрее, чем используемый при этом язык, и воспроизведение выражений, превратившихся в языковые архаизмы, рано или поздно начинает затруднять их актуальное осмысление, ориентируя людей на «автоматизированное» запоминание и повторение заученных словесных конструкций. Кто сейчас узнает во всевозможных детских считалках и дразнилках обороты, когда-то имевшие сакральное значение?

Характер межчеловеческой коммуникации кардинально изменялся там, где устные сообщения стали фиксироваться и распространяться с помощью письма. Пройдя длительный путь развития от знакового представления слова к разбиению его на слоги, а затем и к изображению звуков, из которых слоги состоят, письменность способствовала дальнейшему освобождению человека от жесткой ориентации на раз и навсегда заданные нормы речи. Внешняя сторона передаваемых сообщений (звучание слов) стала не столь однозначно определять внутреннюю (информативное содержание транслируемых текстов), что стимулировало появление большего числа вариантов, динамично и гибко выражавших конкретные коммуникативные ситуации, в которых люди оказывались в разные моменты своей жизни.

Качественное изменение характера социальной коммуникации, обусловленное преимущественным использованием письменных текстов, не только давало возможность эффективно решать конкретные сиюминутные задачи, но и помогало достижению взаимопонимания людей там, где речь шла о создании конкретных, сиюминутных программ действий, направленных на достижение коллективных целей, отдаленных во времени от настоящего момента. Однако эмоциональная составляющая речи, выражающая непосредственно переживаемые человеком внутренние состояния, никогда не исчезает полностью, сохраняясь в виде звукосочетаний, на первый взгляд лишенных содержательного значения, но продолжающих неявно воздействовать на восприятие циркулирующих в обществе сообщений.

Архаические речевые формулы, чаще всего состоящие из различных междометий (примером чего являются те же детские считалки и т. п.), воспринимаются ныне в качестве именно «зауми», и их смысл задается чисто ритмически, не будучи связан напрямую с каким-то реальным жизненно-практическим содержанием. Когда-то «бессмысленная» речь воспринималась в качестве божественной, свидетельствовала о контакте колдуна или шамана с высшими силами. В современной культуре эти формы привлекают внимание поэтов и лингвистов, которые стараются найти в них еще не выявленные возможности языка, скрытые до поры от его стандартных пользователей. Поэтическое творчество В. Хлебникова наглядно показывает направленность такого рода попыток.

Подобные поиски стимулируются представлением о том, что возникающие в каждом обществе нормы коммуникации задают достаточно устойчивый набор правил, регулирующих межчеловеческое общение, а потому определяющих какие-то рамки, за пределы которых люди обычно не выходят. Всевозможные запреты на способы языкового взаимодействия людей существовали всегда. Но в архаических сообществах значение используемых слов и выражений еще не было вполне устойчивым и потому граница между осмысленными и «бессмысленными» формами речи не была слишком жесткой. В современном же обществе потребность в однозначном понимании людей, совместно решающих социально важные задачи, определяет стремление к четкому указанию на значение и смысл языковых средств, с помощью которых организуется коллективная деятельность.

Тем не менее периодическое возвращение к нетрадиционным словесным конструкциям, возможно, демонстрирует понимание современными художниками и теоретиками важности постоянного внимания к потенциальному содержанию языковой деятельности людей. В средствах межчеловеческого общения, употребляемых в любой данный интервал времени, присутствуют формы, не только бывшие распространенными когда-то, но и такие, которые станут играть определяющую роль в практической жизни будущих поколений⁹. Данное обстоятельство также обуславливает определенную семантическую избыточность человеческой речи. С одной стороны, это обеспечивает возможность перехода в новых ситуациях к ранее

⁹ См. в связи с данной темой интересную статью: Померанец Г. Язык абсурда // Померанец Г. Выход из транс. М., 1995.

не применявшимся словам и выражениям, с другой же — порождает трудности там, где существует необходимость четкого однозначного понимания передаваемых сообщений. И люди стараются создать средства, понижающие информационную неопределенность используемых языков.

Особенно важное значение такие средства имеют при организации комплексов знания (о существенных характеристиках окружающей действительности, о способах взаимодействия с ней, о потребностях, направляющих коллективные усилия людей, и т. д.). Поскольку в архаических сообществах граница между значениями композиционных элементов текстов, регулирующих совместную жизнедеятельность людей, не была достаточно жесткой, а также в силу того что в структуру этих текстов входили фрагменты, не имеющие прямого предметного значения (впоследствии воспринимаемые в качестве «зауми»), постольку организация древних текстов обладает особым характером. Наиболее явно это различимо в самых древних слоях человеческой культуры.

Э. Кассирер в свое время отмечал внешнюю произвольность организации мифологических текстов, подчеркивая, что они построены вне ориентации на наглядные смысловые связи и потому кажутся хаотичными, игнорирующими требование логической непротиворечивости. Он объяснял данную особенность древнего сознания тем, что для его носителей представления о «священном» и «отвратительном» располагались на одном уровне — были одинаково запретны¹⁰. Сходная точка зрения была представлена и в концепции известного французского исследователя Л. Леви-Брюля о «пралогическом» мышлении первобытных людей¹¹.

Но и сегодня многие специалисты обращают внимание на такое своеобразие древних текстов. Так, историк Ю. В. Андреев говорит о том, что для мифологического повествования типичным оказывается соединение различных сюжетов и персонажей в одно целое¹², а Н. Горелова во вступительной статье к знаменитому литературному памятнику средневековой культуры «Плавание святого Брендана» подчеркивает, что выстраивание сюжета для тогдашних авторов не предполагало объяснения поступков, из кото-

¹⁰ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Философские науки. 1991. № 7. С. 130.

¹¹ Подробнее с его идеями можно познакомиться в: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

¹² См.: Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990. С. 166–167.

рых сюжет складывался¹³. Сопоставляя позиции П. Флоренского и М. Маклюэна, О. И. Тарасова также отмечает то обстоятельство, что в бесписьменных культурах отсутствует идея «главного значения», а потому даже несовместимые друг с другом фрагменты мифологического рассказа воспринимаются в качестве равноправных¹⁴.

Не раз об этом писал и такой известный отечественный автор, как В. Н. Топоров, много внимания уделяющий проблеме организации архаических текстов. Он считает, что передача и сохранение знаний в древних культурах достигались за счет распределения социально значимой информации по разным элементам текста, которые рассматривались в качестве аналогичных. Соединение различных свойств реальности в одном персонаже и включение этого персонажа в различные сюжеты создавали определенное единство описаний мира. В свою очередь, устойчивый выбор рядовыми членами племени для себя имен, которые носили герои мифов, постоянно восстанавливал связь конкретных людей с традицией, что обеспечивало трансляцию культурных моделей во временной цепи¹⁵.

В связи с отождествлением различающихся свойств и сторон реальности увеличение знаний о мире проявлялось в таком организационном принципе текстов, как рядоположность их структурных элементов. Новая информация просто присоединялась к уже имеющимся сведениям, что выражалось в постоянном количественном расширении повествования. Инстинктивное отношение к окружающему миру как целостному объекту, в котором «все связано со всем» (представление, лежащее в основе стихийно-диалектического мышления), определяло построение текстов с помощью увеличения длины цепочек утверждений, составляющих содержание человеческих знаний. Истинность представлений о мире неявно связывалась с полнотой создаваемых описаний. В результате смысл текста определялся его целостностью. Именно она играла роль «каркаса», объединяющего всевозможные детали и фрагменты знания.

¹³ Плавание святого Брендана. СПб., 2000. С. 23.

¹⁴ См.: Тарасова О. И. Беседа о. П. Флоренского и М. Маклюэна об иллюзорности сознания, услышанная и записанная корреспондентом журнала // Человек. 2005. № 4. С. 26.

¹⁵ Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 149

Подобный способ организации текстов не требовал задаваться вопросом об обосновании создаваемых и передаваемых в обществе сообщений, а составляющие их элементы не были прямо связаны друг с другом (один фрагмент нельзя было логически вывести из другого). Их взаимная упорядоченность достигалась во многом за счет своеобразного ритмического воспроизведения одного в другом. Потому-то взаимная несовместимость каких-то утверждений не мешала людям воспринимать и истолковывать получаемые сообщения как вполне упорядоченные. Ведь противоречие является особой формой связи текста, поскольку отрицание того, что было прежде сказано, повторяет (хотя и в иной форме) предыдущие выражения. Главное, чтобы не возникали разрывы в повествовании.

В исламской культуре, например, структура излагаемого священного предания (суны) строится из двух частей. Первая, «иснад», представляет собой непрерывную цепочку свидетельств, ссылок на источники излагаемого сообщения, а вторая, «матн», является собственно сообщением, основным текстом. Таким образом, «иснад» обосновывает истинность передаваемой информации, если во всей цепочке ссылок не пропущено ни одного звена. При данном способе организации текста обязательным становится поиск средств явного указания на все скрытые основания коммуникативных актов, влияющих на поведение как отдельных членов общества, так и всего данного коллектива в целом. Опоры на звуковое восприятие интонационных особенностей речи оказывалось недостаточно. Необходимость использовать какие-то иные способы, обеспечивающие эффективность воздействия людей друг на друга, существенно стимулировала переход от устного общения к его письменному фиксации.

Особенности понятийных форм коммуникации. Прежде всего необходимо иметь в виду, что письменная форма обеспечивала стандартизацию используемых знаков и тем самым способствовала унификации речевых форм коммуникации. Интонационное разнообразие произнесения одних и тех же звуков на письме уже не передавалось, и все члены общества, овладевая грамотой, одновременно привыкали к единообразному восприятию конструктивных элементов, с помощью которых строились разнообразные сообщения, циркулирующие в данном сообществе. Каждое написанное предложение состоит из многократно употребляющихся компонентов, но входящие в отдельные предложения слова могут со-

относиться с различными смысловыми контекстами, оказываются связаны с различными наборами ассоциаций, что обеспечивает возможность более динамичного (в соответствии с конкретной ситуацией общения) их истолкования.

Переход к обмену письменно оформленными текстами кардинальным образом изменял характер коммуникативного процесса и применяемых способов аргументации. Играя поначалу роль знака, указывающего на фундаментальность устной речи, звучавшей в прошлом и обладающей потенциальностью будущего, письмо разрывало моменты произнесения слов в ситуациях «сейчас» и «когда-нибудь». В результате межличностное общение теряло локально-конкретный характер, разрушалась некая ритмическая основа диалога — потребность собеседников в смене ролей «говорящий» и «слушающий». В реальной речевой ситуации люди начинают перебивать собеседника, если его монолог слишком затягивается. Письменный текст способствовал увеличению временного интервала между получением сообщения, направленного на ответное действие адресата, и самим этим действием.

В конце концов, письменно фиксируемые знаки уже переставали обозначать нечто принадлежащее внеязыковой действительности, приобретали операционный характер, становились указаниями на необходимость осуществления неких стандартных действий¹⁶. Тем самым письмо освобождает человека от непосредственной связи с автором сообщения, смещает его внимание с говорящего на собственный выбор ответной реакции, способствует повышению осознанности своего поведения. Выбор своего ответа приобретает большую значимость, нежели соответствующий стимул к ответной реакции, сам получатель сообщения оказывается в ситуации большей свободы, чем при непосредственном контакте с автором передаваемого текста.

Конечно, первые варианты письменности долго сохраняли свою связь с традициями устного общения, поскольку навык создания и оперирования такими абстракциями, как логические понятия, выражающими представление о целых классах предметов и явлений, формировался на основе создания неких обобщенных образов, определяющих направленность интеллектуальной деятельности в различных сферах человеческой практики. И. П. Меркулов называет подобные конструкции прототипами. Являясь наглядной формой

¹⁶См.: Луман Н. Медиакоммуникации. М., 2005.

представления о наиболее ярких характеристиках действительности, прототипы играли роль образца, по которому начинала оцениваться существенность признаков, определявших набор предметов и явлений, включаемых в один и тот же класс объектов¹⁷.

Переход к понятийному оформлению знаний открыл возможности экономить лексические средства, выражать человеческие представления о мире в более компактной форме, не именуя каждый элемент класса в отдельности. Поэтому, при всей его укорененности в устной речи, письмо ориентировано не на звуковое выражение мысли, а на графически наглядное. Как отмечает Е. А. Некрасова в своей статье, посвященной одному неосуществленному замыслу П. Флоренского, он в свое время связывал данную особенность письменных текстов с использованием в них «единой базы номенклатуры», набора общепонятных терминов, обеспечивающих единство конструируемых и передаваемых в культуре знаний¹⁸. Стремление выразить идеи в зрительно воспринимаемой форме пронизывает средневековую культуру с ее вниманием к созданию всевозможных геральдических систем, христианской и алхимической символики и т. д. Впоследствии такое стремление стало стимулировать использование в языке научного познания таких средств, как чертежи, формулы и т. д.

Так из вспомогательного средства межчеловеческого общения, играющего вторичную по отношению к устной речи роль, письмо превратилось в наиболее важную форму общения, обеспечивая надежный способ организации социальной жизни. Это обусловлено во многом тем, что письменное представление передаваемых сообщений позволяет в случае необходимости вновь возвращаться к полученному тексту, перечитывать его, сравнивать с другими, уже известными, т. е. контролировать сам процесс коммуникации¹⁹. Организация текста становилась общекультурной проблемой, выходя за рамки отдельных изолированных усилий его создателя. Так формировалась человеческая способность явным образом соотносить свою личную точку зрения на содержание передаваемых и получаемых сообщений с коллективно закрепленной. Появилась возможность сопоставлять индивидуальную позицию с общественным опытом.

¹⁷См.: Меркулов И. П. Когнитивные особенности архаического мышления // Противоречия и дискурс. М., 2005. С. 71.

¹⁸См.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1982. Л., 1982. С. 102.

¹⁹См.: Луман Н. Указ. соч. С. 103.

Вообще, по своей сути социальная коммуникация реализуется через посредство столкновения множества различных отношений и точек зрения на некий общий вопрос. И выражение собственного мнения, попытка изменить поведение окружающих явно или неявно выражает прежде всего понимание человеком собственного включения (действительного или воображаемого) в какую-то определенную социальную группу. Знаменитый этнограф и антрополог К. Леви-Строс объяснял различие в описаниях жителями одной и той же туземной деревни разным положением этих жителей в социальной структуре²⁰. Различные истолкования одних и тех же фактов могут сосуществовать в индивидуальном сознании в качестве представлений о позиции других участников коммуникативного процесса. Личный опыт каждого человека приобретает определенную оформленность лишь при его включении в общую систему культурных установок, традиционных для его общества.

Именно поэтому для эффективного осуществления коммуникативных актов важно определять, какое место занимает автор передаваемого сообщения, индивид по отношению к своим собеседникам. В связи с этим Вяч. Вс. Иванов (в приложении к указанной работе Леви-Строса) особо подчеркивает мысль французского исследователя о том, что письменность появляется лишь в иерархическом обществе, в котором отчетливо различаются обслуживаемая и обслуживающая части населения. Понятно, что в зависимости от принадлежности к той или другой группе и представление о надлежащем поведении и способы воздействия на других людей оказываются существенно разными, иногда даже несовместимыми друг с другом. Различие социальных позиций влияет и на характер взаимодействия людей, обладающих различной степенью свободы действий.

Общение между ними обязательно предполагает осознание несходства (возможно, даже несовместимости) позиций каждого из участников коммуникации. В этом случае индивидуальная свобода может проявляться в отказе от принятия точки зрения, слишком сильно отличающейся от той, которой придерживается тот или иной собеседник. Подобный отказ может рассматриваться в качестве демонстрации позиции, противоположной некоторой данной²¹. В острых ситуациях такая демонстрация может служить знаком

²⁰ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 120.

²¹ См.: Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персональность. СПб., 2002. С. 36.

прерывания какого-либо общения, его невозможности (так, когда-то аристократы считали недопустимым спорить с прислугой).

Осознание имеющихся в распоряжении человека возможных форм поведения заставляет его выбирать ту форму межлического общения, которая наиболее соответствует конкретному моменту. И чаще всего под свободой понимают именно выбор предпочтительного варианта, определяемый волей самого данного индивида. Меньше осознается то обстоятельство, что человек всегда выбирает не столько то, что представляется ему привлекательным, сколько то, от чего ему проще отказаться (чем он может пожертвовать). Критерий принятия решения — оценка имеющихся возможностей, поэтому решение принимается на основе логического анализа известных вариантов. Но решение и выбор — разные действия²². Выбор происходит вне рационально определяемых рамок.

Будучи включен в множество разнообразных жизненных ситуаций, каждый человек в своем поведении связан с одновременным решением задач разного класса. Любой индивид всегда действует в условиях, достаточно общих для всех носителей какой-то данной культуры, ориентируется на стандартные установки, характерные для той группы, с которой он себя идентифицирует. Одновременно ему приходится опираться на собственную индивидуальную оценку конкретной ситуации, в которой осуществляется сиюминутный выбор. Изменить общекультурный набор возможностей удастся чрезвычайно редко, в связи с чем индивид чаще всего вынужден перестраивать личностную систему ценностей, отказываясь от одних вариантов своего поведения и останавливаясь на других. И дискурсивное рассуждение в этом случае играет вторичную роль.

Все это усложняет реальное протекание коммуникативных процессов и затрудняет их явную регуляцию. Но разброс индивидуальных позиций, невозможность адекватно и полностью осознавать мотивацию осуществляемого выбора, влияющего на конкретные формы и способы межлического общения, все же предполагает наличие каких-то универсальных (для каждого конкретного типа общества) регуляторов, без которых социальная жизнь была бы попросту невозможной. Осознание различий между людьми и группами становится явным тогда, когда между ними существует какое-то сходство, задающее общую шкалу сравнения. Чтобы

²²См. об этом интересную статью: *Наумова И.* Выбор // *Знание — сила*. 1981. № 11.

как-то взаимодействовать друг с другом, люди должны обеспечивать возможность хотя бы частичного взаимопонимания. Многозначность циркулирующих в обществе текстов должна сниматься в коммуникативном акте.

Именно такой акт превращает содержание индивидуального сознания в факт общественной жизни. Поскольку межчеловеческое общение формально можно представить как передачу разнообразных текстов от одного члена сообщества к другим, с последующей содержательной интерпретацией сообщений их получателями, постольку в качестве регуляторов, обеспечивающих формирование коллективного понимания социально важной информации, выступают правила организации социально значимых текстов. Ясно, что в каждой отдельной сфере деятельности возникают свои специфические приемы оформления передаваемых сообщений и их трактовки. Но существуют и некие универсальные способы оформления и трансляции информации, необходимой для поддержания жизнедеятельности общества, устойчиво проявляющиеся в разных культурных традициях. В частности, Г. В. Колшанский прямо указывает на то, что «формирование языковых текстов в принципе всегда придерживается правил рутинных контекстуальных связей, выработанных человеческим сознанием коллектива, что, собственно, и создает предпосылки для нормальной коммуникации»²³.

Семантическая неоднородность текста. Как уже говорилось, наиболее древние тексты строились по принципу добавления новых звеньев к цепочкам утверждений, выражавших жизненный опыт носителей архаичной культуры. Воспринимая любые фрагменты знаний о действительности как одинаково важные, люди старались перечислить все ее характеристики по возможности полно и явно. Поэтому издавна одной из наиболее устойчивых форм фиксации человеческих знаний были всевозможные каталоги, закрепляющие любые сведения, приобретаемые человеком при взаимодействии с окружающим миром. Отсутствие четких границ между различными сторонами жизни, характерное для мифологического мышления, выражалось в идее постоянных взаимопревращений, определявших взгляд на любой объект по принципу «то же, да не то». Но постепенно такой подход перестал отвечать потребностям развивающихся форм человеческого взаимодействия с окружающим миром. Возникла необходимость оформлять приобретаемые

²³ Колшанский Г. В. Указ. соч. С. 105.

человеком знания в соответствии со сферами его жизненных интересов.

Поэтому хотя каталоги исчерпывающе перечисляли все, что привлекало внимание людей, однако их содержание разнилось по различным классам описаний в зависимости от того, к какой области человеческих действий они относились. Уже в IX в. до н. э. представители одной из первых цивилизаций создавали списки терминов, обозначающих различные предметы и явления (как реальные, так и воображаемые) и группировавшихся по содержательно различным «ячейкам». Проявления природной стихии, профессиональные занятия людей, всевозможные животные (в том числе фантастические), растения и минералы — все это входило в различные наборы описаний²⁴.

Такие тексты имели широкое хождение в тогдашнем обществе, оказываясь источником коллективных знаний людей о способах организации их жизни. В связи с хозяйственно-экономическими потребностями в культуре древних сообществ возникали тексты, содержанием которых являлись сведения о том, какие производственные операции должны производиться в определенных ситуациях, сколько людей необходимо для их осуществления, какой запас пищи должен быть подготовлен для содержания этих людей, и проч. Подобные документы строились по определенному единому образцу, и сегодня исследователи находят древние тексты, заготовленные «про запас». В них оставлены места для вписывания конкретной информации, отражающей особенности той или иной локальной ситуации. Кроме того, И. П. Вейнберг указывает, например, на то, что в древних сообществах часто использовался набор стандартных выражений, представлявших типовые образцы речи разных социальных групп, так называемый «формульный язык»²⁵.

Стандартная организация подобных текстов обеспечивала одинаковое понимание их содержания всеми, кто имел с ними дело. И хотя данный способ оформления письменных сообщений не создавался специально для коммуникативных целей (С. Н. Крамер, например, отмечает, что постоянный список терминов поначалу использовался в древнем Шумере для обучения и тренировки писцов, вырабатывавших навык быстрого воспроизведения одних и тех

²⁴См., в частности: Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 46; Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 18.

²⁵Вейнберг И. П. Указ. соч. С. 16.

же слов и выражений, применявшихся в тогдашних документах²⁶), но эффективность такого приема способствовала его постепенному распространению в различных ситуациях межчеловеческого общения.

Каталоги сохранились и в эпоху Средневековья, включившись в ритуальную практику церкви. В частности, процедура изгнания дьявола требовала подробного перечисления всех частей человеческого тела, из которых необходимо было удалить злое начало²⁷. В этом смысле магические приемы, заимствованные из практики архаических сообществ, играли роль коммуникативных каналов, по которым шло взаимодействие различных слоев общечеловеческой культуры, происходило освоение старых традиций новым коллективным сознанием. Выявление сходства в различном обеспечивает, как уже говорилось, возможность возникновения общей (для представителей некоторого «данного» коллектива) системы представлений о способах и формах своей деятельности.

В любом обществе процесс социализации людей существенно определяется тем, какие тексты члены этого общества передают друг другу, поскольку именно в текстах представлены общие цели, знания, программы коллективного поведения и т. д. Множество коммуникативных актов, регулирующих социальную жизнь, можно разделить (несколько упрощая дело) на сообщения о каких-то ранее неизвестных фактах и сообщения о мнении других людей о том, что известно всем. И человек формирует свое представление о мире, в котором он живет, осваивая как информацию о различных сторонах и аспектах этого мира, так и сведения о существовании различных точек зрения на происходящее²⁸. Выделение таких уровней коммуникации также влияло на специализацию текстов, регулирующих коллективную жизнь людей.

Все формы дифференциации человеческих знаний (распределение их по предметно-содержательному признаку, по функциональным характеристикам, по их соответствию жизненным ситуациям и т. д.) способствовали осознанию неоднородности текстов, создаваемых людьми в процессе общения. Становилось все более явным, что исходящие в их структуру фрагменты семантически существенно различаются, а потому все существеннее оказывалась пробле-

²⁶ Крамер С. Н. Указ. соч. С. 21.

²⁷ См.: Гуревич А. Я. Народная магия и церковный ритуал // Механизмы культуры. М., 1990. С. 22.

²⁸ См. об этом. Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 99.

ма их целенаправленного взаимного увязывания, их скоординированности, без которой не может возникать целостный смысл текста. Восприятие и интерпретация словесно представленных сообщений заставляют учитывать не только конкретные условия актуальной коммуникативной ситуации, но одновременно и множество прошлых контекстов, в которых используемые слова и выражения применялись, а также возможные будущие случаи, следствия их произнесения здесь и сейчас.

Слова вне связи друг с другом играют роль «пустой ячейки», заполняемой содержанием лишь внутри определенного текста. Именно поэтому, по мнению лингвистов, не слово само по себе, а именно текст является основной единицей коммуникативных процессов²⁹. В то же время слова, из которых формируется текст, предполагают друг друга, содержат в себе связь с другими возможными формами речи, а значит, с различной степенью явности определяют способ выстраивания сообщения³⁰. Линейное соединение букв, составляющих слова, поначалу может предполагать довольно много возможных вариантов продолжения, но с определенного момента даже незаконченное слово приобретает конкретное содержательное значение.

Две буквы, «л» и «о» например, поставленные рядом, дают возможность построить множество различных слов («лож», «ложка» и т. д.), но набор букв «логич. . .» резко ограничивает возможность продолжения ряда. Филологи хорошо знают, что трудности в понимании иностранного языка часто обусловлены тем, что у человека отсутствует некое «ожидание», определяющее восприятие чужой речи. Слыша фразы, произносимые на родном языке, мы угадываем возможное продолжение, и потому даже «свернутые» языковые структуры чаще всего воспринимаются вполне адекватно. В случае общения с носителями других языков подобное угадывание формируется лишь при длительной практике общения.

Во многом это обусловлено тем, что речь не только выражает некое информационное содержание, но и является средством показа определенного состояния говорящего, что задает особый контекст понимания получаемых сообщений. Функциональное многообразие компонентов, из которых складывается межличностное общение, определяет возможность различного истолкования даже одного и

²⁹ См.: Коллинский Г. В. Указ. соч. С. 62.

³⁰ Смирнов А. В. Логика смысла. М., 2001. С. 32.

того же набора языковых выражений, реализуемого в разных жизненных ситуациях. В связи с этим в любой культуре возникает система стандартных правил построения текста, позволяющая хотя бы частично ограничить разброс содержательных оценок сообщений, передаваемых людьми друг другу. Текст как словесное выражение коммуникативного акта эффективно влияет на поведение получателей сообщения тогда, когда ожидания говорящего и слушающего совпадают в достаточной степени.

Осознание того, что структура используемых в коммуникативных актах текстов строится из семантически разнородных элементов, не только привело к их разделению на различные классы, но и обусловило отказ от рядоположности как главного регулятивного принципа, на основе которого конструировались сообщения, циркулирующие в коллективах людей. Считавшиеся ранее одинаково важными признаки предметов и явлений действительности начинали противопоставляться друг другу, существенное стало отделяться от второстепенного. В результате простое горизонтальное удлинение текстов сменилось их вертикальным структурированием. Теперь в основе социально важных описаний старались располагать «базисные» утверждения, из которых можно было логически вывести ряд предполагававшихся следствий.

Если архаическое сознание требовало перечисления всех элементов описания явным образом, перебираясь, по выражению В. Я. Проппа, подобно слепому, «от предмета к предмету»³¹, то культуры, в которых основным способом распространения важной информации стали письменные источники, ориентировались на более компактное изложение передаваемых сообщений. К тому же общественная практика делала все более значимой возможность регулировать коллективные усилия, указывая на цели человеческих действий, относящихся к будущему, существенно удаленному от настоящего. Подобные указания не могли соотноситься с чем-то непосредственно данным, не имели наглядного характера, а потому предполагали способность каждого члена сообщества приходить к их осмыслению посредством определенных рассуждений.

Различия в синтаксическом оформлении одного и того же содержания мыслей постепенно приобрели и различную семантическую окраску. С этой точки зрения выделение некоторого на-

³¹ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 297.

бора выражений (воспринимаемых всеми одинаково и играющих роль исходных постулатов), а также введение общезначимой же системы правил перехода от одних утверждений к другим должны было обеспечить большую гибкость мышления, позволяющую быстро переходить от одних представлений к другим в случае резкого изменения ситуации, в которой оказывались люди, реализуя различные виды деятельности. Увеличение длины текста уже не воспринималось в качестве средства, сохраняющего его изначальную целостность. Наоборот, излишняя (в данной конкретной ситуации) информация, хранящаяся в памяти, могла затруднить выбор самого эффективного поведения в данных условиях.

Переход от образно-наглядного способа представления социальной информации к ее знаковому отображению обнаружил возможность создавать новое содержание сообщений без обращения к внеязыковой реальности. Иногда ведь достаточно перестроить комбинацию используемых знаковых конфигураций, изменить порядок записи, чтобы воспринимаемый текст получил новую интерпретацию. Важно не только *что* человек говорит, но и то, *как* он это делает. Поэтому переход от принципа координации фрагментов текста к принципу их субординации, иерархичности позволял достаточно явно указывать систему предпочтений, на которой основывается автор передаваемого сообщения. Последовательность построения текстов, порядок расположения составляющих их элементов приобретали определяющее значение и влияли на успешность понимания одними членами сообщества других.

Нарушение традиционного порядка повествования блокирует возможность его осмысления даже там, где все составляющие текст слова по отдельности понятны. Теряется целостный смысл, выражением которого текст должен быть. Язык гувернантки из пьесы Е. Шварца «Голый король», якобы говорящей на иностранном языке и произносящей нечто вроде: «выньте руки карманов из», — передает неясное представление русскоязычных читателей и зрителей о том, какой должна быть речевая норма, нарушаемая в данном случае. И несоответствия речи говорящего речевым ожиданиям слушающего могут приводить к разногласиям гораздо более серьезным. Ведь по-настоящему социально важный текст не только служит средством передачи некоторой информации, но и влияет на порождение новых коллективных смыслов, а также формирует культурную память носителей данной культу-

ры³². Все это свидетельствует о том, что устойчивые правила создания и трансляции языковых сообщений являются одним из важнейших регуляторов межчеловеческой коммуникации. Они же играют важную роль в процессах аргументации.

³²См., напр.: *Леута О. Н.* Ю. М. Лотман о трех функциях текста // Вопросы философии. 2002. № 6.